

С Л О В О

на день поминованія почившихъ наставниковъ М. Д. Академіи ¹⁾.

Се—гласъ глада тонка, и тамо Господь!

Прошелъ, братіе, еще одинъ годъ жизни нашей Академіи, наступаетъ годъ новый, и мы готовимся, какъ прежде, отпраздновать приходъ его. Но, передъ днемъ торжества, когда эта церковь будетъ молна народа, мы собрались сюда одни со своими наставниками, чтобы въ тѣсномъ кругу помолиться объ отцахъ и братьяхъ отшедшихъ, помянуть добрымъ словомъ тѣхъ, кто не дожилъ до этого дня. Нынѣ взоры наши обращены къ прошлому, нынѣ мысль наша витаетъ вокругъ могилъ, нынѣ день печали и тишины.—Да будетъ же позволено въ этотъ день тишины могильной сказать слово о тишинѣ иной, о той тишинѣ, что живетъ въ глубинѣ сердца вѣрующаго, охраняя его отъ соблазновъ и бурь.—Но храмъ богословской науки не знаетъ иныхъ соблазновъ, кромѣ соблазновъ ума, иныхъ бурь, кромѣ бурь неопытной души, безсильной примирить вѣру со знаніемъ, правду небесную съ правдой земной. Пусть же слово наше будетъ о тишинѣ разумной вѣры, о тайнѣ примиренія этихъ двухъ враждующихъ началъ. Но тишина могильная не будетъ однимъ лишь поводомъ для насъ: вѣдь это могилы почившихъ наставниковъ, это могилы тѣхъ, чья жизнь прошла среди этихъ самыхъ бурь и соблазновъ, тѣхъ, кто сами искали и находили эту тайну разумной вѣры, созидали обитель тишины. Призовемъ же къ себѣ эти тихія тѣни, будемъ искать у нихъ указаній, какъ и намъ обрѣсти эту тишину. Заглянемъ въ ихъ многочисленныя творенія—мы наслѣдники ихъ—будемъ тамъ искать слѣдовъ ея. Вѣдь мы

¹⁾ Сказано за литургіей въ академическомъ храмѣ, 29 сентября с. г.

знаемъ, братіе, что почившіе наставники не отказались просто отъ правды научной, ради правды откровенной, закрывъ глаза на тѣ безчисленные вопросы и недоумѣнія, какіе умный и пытливый Западъ ставилъ имъ на каждомъ шагу. Нѣтъ, они ни на что не закрывали глаза, они боролись, отражая одно, соглашаясь съ другимъ, ничего не принимая слѣпо, считаясь со всѣмъ. Однако, подъ шумъ этой борьбы, выростала незамѣтно та храмина, которая приняла въ себя борцовъ за истину и сдѣлалась для нихъ твердыней, недоступной для нападающихъ.—Создалась та норма мышленія, утвердились тѣ углы зрѣнія на все и вся, которые, не насилуя правды научной, сохранили нерушимой правду небесную. Былъ протянутъ покровъ между безумными, огненными порывами мысли отвлеченно-логической и божественной полнотой живого и цѣльнаго ума. Но это былъ покровъ, освященный въ честной борьбѣ съ соблазнами ума: онъ осынилъ своей прохладой тѣхъ, кого гордая наука вызывала на бой подъ открытымъ небомъ. Принявъ эту борьбу тамъ, гдѣ этого хотѣла наука, они вернулись побѣдителями подъ отчій кровъ, вернулись безъ насилія надъ научной правдой, безъ сожалѣній и не отъ усталости... Но какъ же шла, какъ идетъ эта борьба—ибо она идетъ и сейчасъ—въ чемъ тайна тишины разумной вѣры? какъ создать ее?

Есть три соблазна мысли, и въ сферѣ этихъ соблазновъ вступаетъ каждый, переступающій порогъ этой Академіи, каждый, кто хочетъ дать себѣ самому разумный отчетъ въ своемъ уюваніи...

И первой подымается сама мысль съ ея логическими законами, съ ея жаждой безграничнаго проникновенія въ міровыя тайны и даже не одного только проникновенія, но еще и пересозданія міра и его тайнъ по своимъ законамъ.

Что же, съ однимъ лишь щитомъ догмата выступаетъ передъ ней философъ-богословъ?—Нѣтъ, онъ смотритъ ей прямо въ глаза и въ ней самой улавливаетъ ея неправду: онъ испытываетъ „тѣхъ, которые называютъ себя апостолами“ новой истины,—„а они не таковы“—и находитъ, „что они лжецы“ (Апок. 2, 2)...

Откуда берется новое въ жизни? какъ въ развитіи изъ предыдущаго развивается послѣдующее? гдѣ источникъ этому истеченію? можетъ ли быть что доброе изъ бытія аб-

страктнаго, равнаго небытію? и самый смысл философскихъ исканій не требуетъ ли для начала философіи бытія иного—полнаго ¹⁾.—Такъ освѣщаетъ Голубинскій, въ лицѣ Гегеля, вершины раціонализма и видитъ, что онѣ далеко не достигаютъ до неба истины, и тогда онѣ смѣло ищеть этой полноты въ иныхъ областяхъ, отъ которыхъ гордо и на погибель себѣ отвернулся отвлеченный разумъ. Прежде своихъ западныхъ противниковъ углубляется онъ въ дебри индусской и китайской мудрости, думая восполнить ею отвлеченную сухость философіи германской ²⁾. Но, „какъ его религіозныя убѣжденія, говорить о немъ историкъ Академіи, не встрѣчали противорѣчій со стороны ученаго разумѣнія предметовъ вышеопытныхъ, такъ и умственные изслѣдованія не терпѣли стѣсненія отъ теологическаго догматизма“ ³⁾. По-

¹⁾ С. Смирновъ. Исторія М. Д. Академіи, стр. 50. Въ возраженіяхъ, какія Ѳ. А. Голубинскій дѣлалъ Гегелю, можно видѣть совпаденіе его взглядовъ съ мнѣніями по тому же вопросу славянофиловъ, именно съ ихъ ученіемъ о „безсубстратности“ Гегеля и несоотвѣствіи процесса діалектическаго процессу реальному. Ср.—И. В. Кирѣевскаго: „діалектическій процессъ... (есть) одна сторона знанія, обнимающая только возможную, а не дѣйствительную истину и требующая въ пополненіе себѣ другого мышленія, не предположительно, а положительно сознающаго и стоящаго столь же выше логическаго саморазвитія, сколько дѣйствительное событіе выше простой возможности“. (Полн. собр. сочин., М. 1911, т. I, стр. 259). То же—А. С. Хомяковъ: „формула есть только законъ возможности.... а не законъ дѣйствительности“; „Гегель задалъ себѣ задачу *создать* субстратъ.... но такое созданіе оказалось невозможнымъ, и Гегель поневолѣ пришелъ къ скрытому признанію и утайкѣ субстрата“. (Сочиненія, М. 1911, т. I, стр. 295, 293).—Ю. Ѳ. Самаринъ: „начало Гегелевой логики ложно.. законъ двойного отрицанія или тричности совершается въ замкнутомъ кругѣ бытія Божественнаго, и выходи въ міръ конечныхъ явленій есть вовсе не актъ логической необходимости, но актъ нравственной свободы. не развитіе, а творчество“. (Сочиненія, М. 1911, т. XII, стр. 187).—К. С. Аксаковъ: „наука (=философія=Гегель; ср. Ю. Самар., *ibid.*, 98; самъ К. А., т. II, ч. I, стр. 69) должна необходимо допустить таинство жизни, не подлежащее уже ея осязанію, таинство, которое можетъ она угадывать и опредѣлять приблизительно, но которымъ овладѣть она не въ силахъ, ибо это *таинство жизни*“. (Сочиненія, М. 1880, т. III, ч. II, предисл. стр. II).—Вмѣстѣ съ тѣмъ мысль Ѳ. А. Голубинскаго является какъ бы предвосхищеніемъ современнаго ученія Бергсона о томъ, что дѣйствительность есть непрерывное творчество.—Хотя, конечно, вопросъ о томъ, можно ли все это ставить въ *упрекъ* Гегелю, остается въ силѣ.

²⁾ Смирновъ. *Ibid.*, стр. 48.

³⁾ *Ibid.*, стр. 51.

этому Канта положилъ онъ въ основу своихъ изысканій о Богѣ и онъ же открываетъ рядъ своихъ философскихъ лекцій книгою Премудрости Соломоновой¹⁾. И онъ чистъ передъ логикой и объективнымъ познаніемъ; пусть отвлеченный разумъ не смѣется надъ этимъ смѣшеніемъ утонченной диалектики съ мудростью древняго еврейскаго царя,—пусть онъ лучше ставитъ заплаты на своихъ дырявыхъ системахъ: если какая-нибудь изъ нихъ будетъ цѣльна, какъ нешвенный хитонъ,—богословъ-философъ первый придетъ привѣтствовать эту честную побѣду мысли, но пока—кто обличить его въ грѣхѣ?

„Лицомъ и глазами Голубинскій похожъ на Шеллинга, писалъ о немъ одинъ извѣстный современникъ, но у Шеллинга еще возможна личная страсть: въ чертахъ русскаго мудреца господствуетъ спокойное самоуглубленіе. Мнѣ пріятно было заслушиваться этой рѣчи, которая вливала мысль въ мой разумъ, свѣдѣнія въ память и тишину въ сердце“²⁾. Это была та тишина примиренной мысли, о которой начали мы свое слово,—но это еще не вся тишина...

„Одно горе прошло, вотъ идутъ за нимъ еще два горя!“ (Апок. 9, 12).

И первое несетъ исторія церкви, исторія міра христіанскаго. Выключенная, какъ часть, въ исторію политическую,—такъ хочеть объективная наука,—она блѣднѣетъ, теряетъ яркія краски, какими она должна была бы блистать по нашимъ ожиданіямъ. — Величайшее событіе, стоящее въ

¹⁾ Ibid., стр. 48.

²⁾ Слова С. П. Шевырева у Н. Барсукова—„Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. III, стр. 62—63. Ср. мнѣніе о немъ Н. И. Надеждина: „Человѣкъ, подобнаго Голубинскому я еще по сю пору на Руси не видывалъ“ (Барсуковъ, *ibid.*, т. III, стр. 61).—Бар. Авг. Гакстгаузена: „Голубинскій зналъ вполне вѣмецкую философію и ея послѣднее развитіе, и я съ удивленіемъ слушалъ сужденія русскаго попа о Шеллингѣ, Гегелѣ... Не смотря на свою ученость, Голубинскій набоженъ и преданъ своей церкви“ (*ibid.*, т. XIII, стр. 224).—Ю. Θ. Самаринъ писалъ А. О. Смирновой: „Познакомились ли вы у Троицы съ Голубинскимъ? Вотъ, въ полномъ смыслѣ, мудрецъ—ребенокъ. Можетъ быть въ Россіи не найдется трехъ ученыхъ, которые могли бы съ нимъ равняться, а вмѣстѣ съ этимъ онъ простъ и добродушенъ, какъ дитя“ (сочиненія, М. 1911, т. XII, стр. 378).—Сюда же относится извѣстное мнѣніе о немъ Шеллинга (Барсуковъ, *ibid.*, т. XIII, стр. 223).

началѣ христіанской эры, какъ бы теряется въ вѣкахъ человѣческой, *слишкомъ* *человѣческой* исторіи... Правда о Бого-человѣкѣ, новая тайна Троичности,—эти столпы и основанія новой вѣры,—ускользаютъ не отъ взоровъ разума скептическаго, но отъ поисковъ разума вѣрующаго, бѣгутъ отъ оболочки слова, безъ которой самому великому откровенію грозитъ смерть и забвеніе... Льется кровь, много крови, шумъ бесплодныхъ споровъ кажется восходить до небесъ: гдѣ же Воскресшій, гдѣ Искупитель? почему Онъ медлитъ открыть дорогую, нужную сердцу истину?—Зачѣмъ эта вражда между святыми, вызванная однимъ непониманіемъ, зачѣмъ эти распри и ложь на соборахъ, гдѣ Христось долженъ быть посреди собравшихся во имя Его?..

Всѣ эти вопросы, тучи вопросовъ и сомнѣній выплываютъ, едва приступивъ къ объективному изученію церковной исторіи.

Гдѣ выходъ изъ этихъ противорѣчій? что отвѣчать себѣ и другимъ? гдѣ Христось послѣ вознесенія?!

Что же, молчить ли христіанскій богословъ-историкъ?—нѣтъ, онъ отвѣчаетъ и спрашиваетъ самъ.—Чего вы хотите? грома и бури? разверзшихся небесъ и каменнаго града на ослушниковъ, вмѣстѣ съ манной для вѣрныхъ? Неужели въ шумѣ исторіи вы не слышите „гласа хлада тонка“, непрерывно вѣющаго на протяженіи вѣковъ? или вы хотите, чтобы рука Промысла двигала вами, какъ бессмысленными пѣшками, волею чуждой, непонятной для васъ? Вы, дѣти Вышняго, усыновленные Богомъ—Сыномъ въ вѣчное сыновство Богу—Отцу, ужели вы хотите снова вернуться къ вѣкамъ дѣтства человѣчества, къ исторіи племенъ, народовъ и странъ, вмѣсто исторіи душъ, къ которой вы призваны? Ужели изъ царства богосыновней свободы вы рветесь снова въ царство духовнаго и тѣлеснаго рабства?—Пусть медленно и дорогой цѣною покупаются истины самыя необходимыя, но зато онѣ покрыты каплями вашего пота, крови и слезъ и тѣмъ онѣ драгоценнѣе для васъ, чѣмъ съ большей любовью и ревностью вы ихъ храните и будете хранить.—Но, если ужъ вы не можете быть вовсе безъ ветхозавѣтныхъ громовъ, то—смотрите внимательнѣе—вы довольно найдете ихъ и въ христіанской исторіи; но внимательнѣе всего смотрите въ духовныя глубины: здѣсь вы откроете такія невѣ-

домья, новыя силы, узнаете такія тайны мысли и дѣланія, что дымнымъ факеломъ покажется вамъ сѣрный дождь, опаляющій Содомъ и Гоморру, и слабымъ шумомъ вѣтра—молніи и грома Синая... Не устрашимся же этой человѣческой тьмы, окутавшей въ міръ свѣтлое царство Христово: чѣмъ сильнѣе враги—тѣмъ радостнѣй побѣда, тѣмъ яснѣе видно, Кто—Побѣдитель. — Ради сокровища божественной истины купимъ все великое поле исторіи (Мф. 13, 44): пусть глубоко уходитъ въ темную почву его твердый заступъ научныхъ изысканій, пусть не пугаютъ насъ черныя, грязныя глыбы ея. Но пусть наше сердце будетъ открыто для словословія, когда среди этихъ глыбъ заблестятъ намъ многоцѣнные бисеры, сохраняемые тамъ заботливой рукою Творца.

Такъ отвѣчаетъ христіанскій историкъ и разворачиваетъ стройную прагматическую картину церковной исторіи, построенную на фундаментъ послѣднихъ научныхъ изысканій, но всю, отъ начала до конца, согрѣтую огнемъ вѣры, обвѣянную тихимъ вѣяніемъ Промысла.

Событія не искажаются, но *преображаются* въ лучахъ религіознаго взгляда, а жизнеописанія святыхъ, не останавливаясь на однѣхъ лишь внѣшнихъ біографическихъ подробностяхъ, но проникающія въ глубь ихъ души, придаютъ уже совершенно неземное одѣяніе земному и человѣческому...

„Съ трехъ главныхъ сторонъ должна быть разсматриваема исторія церкви, писалъ Горскій,—со стороны *призванія народовъ* въ нѣдра церкви, *руководства* ихъ въ церкви и *плодовъ* этого руководства въ жизни. Въ *призваніи* проявляется особенное дѣйствіе Бога-Отца. Съ исторіею призванія соединяется исторія гоненій, мучениковъ, апологетовъ. *Руководство*—дѣло Главы церкви, котораго тройственное служеніе продолжается въ церкви... Здѣсь раскрывается исторія ученія церковнаго, богослуженія и управленія (церковь—училище,—храмъ и—царство). Наконецъ, *раскрытіе* положенныхъ началъ въ жизни христіанской совершается подъ особеннымъ вліяніемъ Духа Святаго. Здѣсь—монашество, житія святыхъ, главныя черты господствующаго направленія въ нравахъ общественныхъ—добрыя и худыя“ 1). Это писалъ.

1) С. Смирновъ, *ibid*, стр. 37.

Горскій, у котораго настольными книгами были Мозгеимъ, Неандеръ и Гизелеръ ¹⁾...

Тишина сгустилась еще, еще прохладнѣе становится подъ покровомъ вѣры и свободнѣе дышать грудь!

„Второе горе прошло; вотъ идетъ скоро третье горе!“ (Апок. 11, 14).

Оно стелется темнымъ облакомъ надъ самыми истоками христіанской исторіи, закутывая густымъ пологомъ страницы новозавѣтныхъ книгъ... Что это за книги? за что имъ такая честь? есть ли твердыя доказательства ихъ принадлежности тѣмъ лицамъ, чьи имена на нихъ выставлены? насколько близки онѣ по времени къ тѣмъ событіямъ, о которыхъ повѣствуютъ? что значать эти мелкія, но многочисленныя разночтенія? почему вырывается нѣсколько страницъ изъ книгъ и безъ того невеликихъ по объему? почему такъ непрочентъ фундаментъ христіанства?!

Все это снова и снова шепчетъ Западъ, и робко вторитъ ему смущенное сердце...

Но, да не убоимся! пусть филологическая критика обжигаетъ священныя страницы: за нами слѣдуетъ густое облако прежнихъ побѣдъ надъ прежними соблазнами; оно уже виситъ надъ тлѣющими страницами и источаетъ живительную росу, и эта роса затушитъ разгорающійся огонь... Вѣдь онъ возгорѣлся отъ тѣхъ же причинъ, что и прежде. Вѣдь и здѣсь холодная мысль заглушила голосъ сердца, вздохъ души—по природѣ христіанки, которая такъ радостно, такъ готовно привыкла внимать священнымъ словамъ...

Вѣдь это та же обездушенная исторія, не умѣвшая прослѣдить непрерывные благодатные токи, текущіе по всей широтѣ ея,—вѣдь это она же отбросила на двѣ тысячи лѣтъ назадъ эти священныя слова, прикрѣпивъ ихъ къ тѣмъ годамъ когда они были записаны, какъ будто всѣ эти двѣ тысячи лѣтъ они лежали гдѣ-то въ пыли—забытыя и остав-

¹⁾ Ibid., стр. 39. Ср. слова о немъ гр. Д. М. Толстаго: „Искреннее благочестіе сохранило (Горскаго) во всей чистотѣ Православія, не смотря на общирное знакомство его съ сочиненіями всякихъ отрицательныхъ направлений... Горскій до конца пребылъ вѣрнымъ Православной Церкви“ (Барсуковъ, *ibid.* V, 350) и Т. И. Филиппова: Горскій „всѣ силы своего необыкновеннаго ума и всѣ сокровища своихъ знаній обращалъ на служеніе Церкви“ (*ibid.*, VII, 165).

ленные, какъ будто долгій опытъ исторіи не имѣлъ тысячи, миллионъ случаевъ убѣдиться въ святости ихъ!—Пусть въ деталяхъ неустойчивъ ихъ текстъ, пусть его нельзя закрѣпить золотыми буквами на мраморныхъ скрижаляхъ, пусть такъ,—но, свободные отъ протестантскаго идолопоклонства передъ священной книгой, мы властны не измѣнять божественному въ ней... Отцы и соборы, писалъ Бухаревъ, для которыхъ столь священны были самыя слова и выраженія писаній, спокойно смотрѣли на эти разночтенія, ибо они были свидѣтелями лишь постояннаго и дѣятельнаго употребленія св. писанія въ разныхъ церквахъ, постояннаго живого и сознательнаго отношенія къ нему... ¹⁾ Станемъ и мы такъ же смотрѣть на нихъ!...

Преданіе сохранило намъ эти слова и событія, преданіе *непрерывное, какъ время, сила такая же реальная и дѣйствительная, какъ и другія матеріальныя историческія силы*—экономическая, расовая, социальная...

Рѣкою преданія мы подплываемъ къ истокамъ нашей исторіи: церковное сознаніе есть русло этой рѣки. Не выходя изъ береговъ церковныхъ идетъ она потокомъ полноводнымъ по пустынямъ человѣческихъ исканій, по лѣсамъ и дебрямъ человѣческихъ страстей, между дикихъ горныхъ ущелій, гдѣ томится безъ вѣры и Бога непокорный человѣческій духъ.

Нѣтъ на этой рѣкѣ ни пороговъ ни мелей, нигдѣ мутная пѣна не грязнитъ прозрачной ея глубины... Безъ волненій и бурь, въ тишинѣ глубокой, извѣчной стремится она вылиться въ то „стеклянное море, подобное кристаллу“, что окружаетъ Божій престолъ (Апок. 4, 6).

И благо тѣмъ, кто плыветъ этой рѣкою, кто ищетъ этой тишины: имъ не страшны земные соблазны и бури... Почившіе наставники искали ее и нашли:—мы узнали это изъ ихъ твореній, и о томъ же говорятъ намъ воспоминанія, живущія въ этихъ старыхъ стѣнахъ...

Богатые всѣмъ богатствомъ Запада они не попали къ нему въ очарованный плѣнъ... Ничто не ускользнуло отъ ихъ остраго взора, но ничто не оглушило, не поразило ихъ одной лишь внѣшней своей красотой...

¹⁾ „О подлинности апост. посланій“. М. 1866, стр. 86.

Миръ же вамъ, смиренныя и вмѣстѣ великія духомъ! Въ хаосѣ безудержной мысли, въ бурномъ морѣ человѣческихъ блужданій вы обрѣли твердую скалу истины и утвердились на ней... Въ ладѣ, утлой съ виду, вы обогнали гордые корабли лже-объективной науки, ибо ваша кормчія лучше знала подводныя мели и скалы, и легкое судно легче боролось съ волной... Одни вы вопли безвредно въ безбурную гавань истины, въ то время, какъ море выбрасывало на песчаный берегъ обломки разбитыхъ громадъ... Вы постигли тайну внутренней мѣры, тайну тишины, тайну пути царскаго... И, если Богу угодно еще здѣсь, на землѣ, явить торжество правды научной, тогда тѣ, кто въ ослѣпленіи гордаго ума смотрѣли на васъ свысока, вмѣстѣ съ нами придутъ поклониться вашимъ тихимъ могиламъ, принесутъ вамъ заслуженныя вами дары...

Но мы счастливые ихъ: мы раньше узнали вашу силу, ибо этою силою родная Академія сильна и сейчасъ. Какъ тогда, такъ и теперь, богатый Западъ несетъ сюда свои дары, но какъ тогда, такъ и теперь, не одни пассивныя рефлекторы собираютъ въ фокусъ научныя лучи, не одни плоскія щиты догматики отражаютъ ихъ.—Нѣтъ, они встрѣчаютъ здѣсь силы самобытныя, независимыя, убѣжденія твердо сложившіяся, взгляды, закаленные въ логическомъ огнѣ... И опять побѣда остается за тѣми, кто владѣетъ тайной этой внутренней, несокрушимой тишины...

Но и мы, братіе, питающіеся еще млекомоу науки, еще неспособныя отражать научную ложь равносильнымъ ей оружіемъ научной правды, и мы да не убоимся! Не устыдимся насмѣшекъ лже-объективной науки...

Пусть она смѣется надъ тѣмъ, что кажется ей косностью догматическихъ убѣжденій, теплохладностью историческаго воспріятія, сумерками критической мысли...

Косность, прохлада, сумракъ!... Да, но это—косность вѣчности, не боящейся времени; это—прохлада скипін, гдѣ стоитъ священный ковчегъ; это—сумракъ облачнаго столпа, ведущаго въ землю обѣтованія...

Онъ—облачный день, жгучимъ днемъ научныхъ открытій и завоеваній, когда солнце объективной истины стоитъ высоко на небѣ познанія; но, когда за этимъ днемъ шумнаго восторга и научнаго торжества надвигается полярная ночь

невѣдѣнія и разочарованій,—а вѣдь это такъ часто случается въ этомъ царствѣ гордаго разсудка,—тогда этотъ блѣдный облачный столпъ становится столпомъ огненнымъ и нѣтъ остановокъ въ пути для тѣхъ, кто идетъ за нимъ...

А путь этотъ лежитъ въ землю, текущую млекою и медомъ, гдѣ усталого странника ожидаетъ пріютъ и покой.

Не безпредѣльна пустыня, и урочные годы подходятъ къ концу... Аминь!

Теодоръ Андреевъ.
